

ПОДГОРИЧСКАЯ БЫЛЬ.

(Изъ дѣлъ Перемышльской Воеводской Канцеляріи).

Насупротивъ крутого взгорья, на гребнѣ котораго дремлетъ изъ вѣка въ вѣкъ, опоясанная яблоневымъ садомъ, святая Троице-Лютикова обитель, тамъ, гдѣ дуплистыя, трухлявыя деревья закрываютъ отъ суетныхъ взоровъ мірскихъ людей старыя, осѣвшія въ землю, стѣны древнихъ храмовъ,—глубокая долина, по которой великая прихотница Ока разбросала излучины своей серебристой ленты, раздвигается въ длинную и широкую пойму. На ней стелются свѣтлою гладью озера-старницы—Желоховское, Никольское и другія. Широкой полосой придвинулись къ ней густыя конопляники; буйною, что рожь колосистая въ урожайный годъ, душистою и сочною травкою поросли окружные луга. Безъ умолку перекликаются въ нихъ неугомонные перепела, тянетъ однообразную пѣсню пугливый дергачъ, весело щебечать въ густыхъ заросляхъ ивняка малиновки и слѣвки, заливается надъ ними серебристой трелью пѣвецъ лазури, голосистый жаворонокъ. Отъ старницы къ старицѣ переносятся вспугнутыя стаи дикихъ утокъ, тянетъ цапля съ озера на озеро, немолчно гудить и жужжить насѣкомый міръ...

Позади той поймы, по крутому взгорью, словно гнѣзда, живописно прильнули къ высокимъ холмамъ села Желохово, Верхніе и Нижніе Подгоричи, деревни Торпова и Горки. Недалеке разстояніе отдѣляетъ ихъ одно отъ другаго, короткій путь лежитъ отъ нихъ до города Перемышля: напрямикомъ и десяти верстъ не будетъ отъ самаго дальняго изъ нихъ села Желохова.

Въ половинѣ XVIII вѣка сидѣли по тѣмъ селамъ и деревнямъ помѣщичьи семьи. Жили и по слабости человѣческой грѣшили. Съ того времени давно запусѣли барскія усадьбы, а гдѣ и слѣда отъ нихъ не осталось. Неузнаваемо измѣнились села и деревни, измѣнились наряды и пѣсни сельчанъ. Но попрежнему въ урочные часы гулко и торжественно раздается благовѣсть Троицкихъ монастырскихъ колоколовъ, попрежнему будить онъ дремлющую совѣсть людей, призывая подъ кровъ своихъ древнихъ храмовъ помолиться о своихъ грѣхахъ и о грѣхахъ здѣсь почившихъ братьевъ нашихъ.

Нѣсколько поколѣній сошло въ могилу со времени событій разсказанныхъ ниже. Въ памяти людской дѣла тѣхъ дней давно забыты, забыты и самыя имена дѣйствовавшихъ лицъ; но на пыльной полкѣ Калужскаго Историческаго Музея, тамъ гдѣ высится полуистлѣвшая груда стараго воеводскаго архива бывшей Калужской провинціи, сохранились ветхіе листы двухъ дѣлъ Перемышльской Воеводской Канцеляріи. Они сохраняютъ ту старую повѣсть, что предлагаю я ниже читателю; они разсказываютъ о тѣхъ жестокихъ временахъ, когда ни въ чемъ неповинныя дѣти, расплачиваясь за грѣхи своихъ матерей, теряли доброе имя и средства, теряли свободу и становились безотвѣтными рабами вздорнаго и жестокаго барина, мстившаго имъ за измѣну ихъ матери.

I.

Дѣло поручика Мезенцова.

18-го Февраля 1762 года императоромъ Петромъ III подписанъ манифестъ о дарованіи вольности и свободы всему Россійскому дворянству. Этимъ манифестомъ раскрѣпошалось Русское дворянство, отмѣнялась обязательная для него служба до сорокапятилѣтняго возраста.

Бурнымъ ликованіемъ привѣтствовало дворянство царскую милость. „Не могу изобразить, пишетъ Болотовъ, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря Государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей“.

Очень многіе не замедлили воспользоваться благодѣтельнымъ манифестомъ и, бросивъ ненавистную военную службу, радостно понеслись къ предѣламъ родныхъ палестинъ, въ свои давно насиженныя родовыя помѣстья. Празднуютъ маменьки возвращеніе сыновей, радостно встрѣчаютъ жены прибывающихъ мужей; но есть и такія, которымъ возвратъ ихъ очень не по сердцу.

На долгіе годы отрывала тогда военная служба мужей отъ женъ; случалось, что она забрасывала ихъ въ такую даль, что по полтора, по два десятка лѣтъ, а то и больше, не возвращались они къ домашнимъ пенатамъ. При такихъ долговременныхъ разлукахъ не всегда могли жены соблюсти себя. Не обходилось безъ грѣха: одна на богомольѣ въ монастырѣ монахомъ соблазнится, другая заѣзжимъ офицеромъ прельстится, третья съ посадскимъ въ городѣ слюбится, а какая и дома у себя въ деревнѣ заведетъ дружка милаго изъ своихъ крѣпостныхъ. Всяко бывало, всякія дѣла случались о ту пору.

Надумалъ воспользоваться благодѣтельнымъ манифестомъ и поручикъ Иванъ Николаевичъ Мезенцовъ, помѣщикъ села Вышнихъ Подгоричей, Перемышльскаго уѣзда, Калужской провинціи; надумалъ, хотъ и не сразу по выходѣ манифеста, но вскорѣ послѣ того. Много лѣтъ прошло съ того дня, какъ уѣхалъ онъ изъ родныхъ мѣстъ на далекую чужбину отбывать военную службу;

много воды утекло съ тѣхъ поръ, и многое перемѣнилось въ селѣ Вышнихъ Подгоричахъ. Чтò къ лучшему стало, а чтò и похужѣло. Не ждали, не гадали такъ внезапно увидѣть барина его Подгоричскіе мужики, не чаяла увидеть нежданнаго гостя и супруга его Агаѣя Козминишна. Наслалъ Богъ: совсѣмъ нежеланнымъ гостемъ пріѣхалъ долго пропадавшій мужъ. Давно отвыкла она отъ него, а къ тому же и большое сумлѣніе одолевало ее: въ долгіе годы его отсутствія развлекала себя Агаѣя Козминишна непохвальными дѣлами и прижила четырехъ дѣтей. Приходилось ей теперь передъ мужемъ отвѣтъ держать. Кто въ его отсутствіе утѣшала скучающую соломенную вдову, изъ дѣла не видно; но, во всякомъ случаѣ, предмета страсти Агаѣи Козминишны уже давно не было въ селѣ Вышнихъ Подгоричахъ, и младшему изъ ея незаконнорожденныхъ дѣтей, сыну Мокею, шелъ десятый годъ. Не видны изъ дѣла ни подробности встрѣчи супруговъ, ни средства, какими утверждалъ по пріѣздѣ отставной поручикъ свою невѣрную жену въ любви къ нему и послушаніи. Но надо полагать, встрѣча не носила нѣжнаго характера, и готовность, съ которою впослѣдствіи Агаѣя Козминишна удовлетворяетъ всѣ требованія мужа, заставляетъ предполагать, что она была подвергнута муштровкѣ.

XVIII вѣкъ разводовъ не зналъ; въ распоряженіи мужей въ тѣ добрыя, старыя времена оставалось одно средство отдѣлаться отъ постылой или невѣрной жены—упрятать ее въ монастырь, но это не легко было устроить. На что крутенецъ и самовластенъ былъ покойный императоръ Петръ Алексѣевичъ, однако и ему много досталось хлопотъ при постриженіи царицы Евдокіи Оедоровны Лопухиной. Вотъ потому-то въ старину, какъ бы худа жена ни была, терпѣли ее при себѣ, жили съ ней до гробовой доски. Мезенцову оставалось такъ-же поступить. Но была у него и другая забота: нужно было такъ или иначе распорядиться относительно незаконнорожденныхъ дѣтей.

1 Декабря 1765 года подаетъ отставной поручикъ Мезенцовъ въ Перемышльскую Воеводскую Канцелярію челобитную и въ ней по пунктамъ показываетъ, что въ бытность его на военной службѣ, его жена Агаѣя, дочь Козмина, прижила незаконнорожденныхъ дѣтей: сыновей—Корнѣя, Николая и Мокея и дочь, дѣвку Авдотю, которымъ нынѣ отъ роду: Корнѣю—16 лѣтъ, Николаю—15 лѣтъ, Мокею—9 лѣтъ и дѣвкѣ Авдотѣ—12 лѣтъ. Всѣ они воспитаны въ его домѣ, въ подушный окладъ ни за нимъ, ни за кѣмъ другимъ не положены и состоятъ праздными, а потому проситъ онъ, принявъ его челобитную, поименованныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей написать за нимъ въ селѣ Подгоричахъ въ подушный окладъ и учинить о томъ, какъ указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ.

Прошеніе написано рукою копіиста Перемышльской канцеляріи Тимошея Астафьева, но подпись сдѣлана рукою самаго Мезенцова. Того же числа занесли въ журналъ Воеводской Канцеляріи постановленіе, которымъ велѣно было прошеніе отдать въ помытѣ, а жену Мезенцова и прижитыхъ ею дѣтей

ыскать и допросить, провѣривъ ихъ показанія обыскомъ (опросомъ) священника и церковно-служителей села Вышнихъ Подгоричей, а также освѣдомленныхъ объ этомъ дѣлѣ сосѣднихъ дворянъ и людей другихъ чиновъ. Журналъ подписали воевода надворный совѣтникъ Никифоръ Офросимовъ, товарищъ воеводскій маіоръ Павелъ Назимовъ и секретарь Петръ Качаловъ.

Въ село Вышніи Подгоричи былъ командированъ канцеляристъ Прохоръ Четвериковъ. 12 Января 1766 года онъ возвратился въ Перемышль и при доношеніи объявилъ въ канцеляріи и самоѣ Агаѣю Козминишну, и ея дѣтей. Къ донесенію приложены были объявленія священника села Подгоричей попа Дениса Никитина, дьякона Аѳанасія Борисова, помѣщика Литвинова и нѣсколькихъ крестьянъ Подгорицкаго прихода. Свидѣтели единогласно показывали, что дѣти незаконно прижиты Агаѣей Козминишной въ бытность Мезенцова на военной службѣ. Священникъ собственноручно подписалъ свое показаніе, за дьякона приложилъ руку его сынъ, церковникъ (дьячекъ) Тимоѣей Аѳанасевъ, „понеже онъ дьяконъ самъ писать не умѣетъ“, за крестьянъ и помѣщика, отставнаго капрала Ивана Литвинова, росписался ихъ духовный отецъ, попъ Діонисій Никитинъ.

Того же 12 Января 1766 года въ присутствіи канцеляріи допрашивали жену Мезенцова и ея дѣтей. Агаѣя Козминишна не стала заператься; она созналась, что дѣти прижиты ею незаконно, что воспитывала она ихъ въ домѣ мужа его коштомъ, такъ какъ своего приданаго недвижимаго имѣнія не имѣетъ.

Дѣти Мезенцовой на допросѣ показали, что вѣдомо имъ отъ матери, что прижиты они незаконно, но съ кѣмъ именно, того они не знаютъ, воспитаны въ домѣ Мезенцова и проживаютъ тамъ и понынѣ; отчества они носятъ разные, по именамъ своихъ крестныхъ отцовъ. Всѣ оказались неграмотными.

Младшаго изъ нихъ, Мокея, присутствіе, за его малолѣтствомъ, не допрашивало.

По требованію Воеводской Канцеляріи Мезенцовъ представилъ дополнителныя свѣдѣнія по тому же дѣлу: онъ указалъ, что крещены дѣти священникомъ села Подгоричей, попомъ Денисомъ Никитинымъ, что воспріемниками были: Корнѣю—покойный Подгорицкій попъ Борисъ Филимоновъ, Николаю—крестьянинъ помѣщика Астафьева, Родіонъ Васильевъ. Мокею—дьяконъ Аѳанасій Борисовъ и дѣвкѣ Авдотѣ—сынъ дьякона, церковникъ Антошъ Аѳанасевъ.

О всемъ изложенномъ составили промеморію и послали ее въ Перемышльское Духовное Правленіе съ просьбой произвести попу Денису и воспріемникамъ сыскъ и допросъ и, по учиненію таковыхъ, прислать о томъ промеморію въ канцелярію.

Сыскъ Духовнаго Правленія ничего новаго не далъ. Причтъ села Подгоричей и крестьянинъ Родіонъ Васильевъ подтвердили показанія Мезенцова, и дѣло пошло обратно въ Воеводскую Канцелярію. Въ Мартѣ мѣсяцѣ того же года состоялось по дѣлу Мезенцова окончательное постановленіе канцеляріи. По этому постановленію, согласно указу Правительствующаго Сената отъ 13 Іюля 1744 года, незаконнорожденные дѣти Агаѣи Козминишны, какъ воспитанныя на средства Мезенцова, были записаны за нимъ.

Указъ Сената, на который ссылалась канцелярія гласилъ: „Незаконнорожденныхъ записывать за тѣхъ людей, къмъ они воспитаны, и быть у нихъ вѣчно, равно яко крѣпостные, а постороннимъ по ихъ желанію не отдавать“.

II.

Дѣло вдовы Боряевой.

Полтора года прошло со времени описанныхъ событій въ селѣ Вышнихъ Подгоричахъ. Умолки разговоры и пересуды по дѣлу Мезенцова, и вотъ неожиданно-негаданно выплываетъ наружу другое темное дѣло, на этотъ разъ въ селѣ Нижнихъ Подгоричахъ. Выплываетъ оно по челобитью помѣщицы этого села Софіи Ивановны Боряевой....

Стояла страдная пора, самый разгаръ Петровокъ, тѣ дни, когда разряженные въ цвѣтныя сарафаны красныя дѣвки и молодицы съ веселымъ говоромъ ворошатъ поваленное въ ряды свѣжескошенное сѣно, мечутъ его въ копны и высокіе стога, когда по вѣтмъ проселочнымъ дорогамъ ползутъ и скрипятъ тяжело нагруженные возы съ сѣномъ, тѣ лѣтніе дни, когда ребятишки съ глиняными кувшинами и съ плетеными лукошками бродятъ по межамъ и опушкамъ лѣса, собирая сиблюю сочную землянику и первые грибы, когда безъ умолку кукуетъ кукушка и ворожатъ по ней добрые люди, сколько кому вѣку осталось, о ту самую страдную, но веселую пору на господскомъ дворѣ въ селѣ Нижнихъ Подгоричахъ, запрягали Подгорицкой барынѣ лошадей: собиралась Софья Ивановна, вдова капрала Петра Кириловича Боряева, въ городъ, снаряжалась въ путь-дорогу къ самому Черемышльскому воеводѣ майору Назимову. Ъхала она къ нему искать суда-расправы на злого обидчика, своего родного сына Ивана. Недосугъ ей было: сѣнокосъ въ разгарѣ, дѣла и заботы по самое горло, да приспичила нужда большая.

Стакнувшись съ Калужскимъ полицмейстеромъ Никитою Осиповичемъ Уваровымъ, озорной сынъ ея Иванъ, что недавно (въ силу указа о вольности дворянства) вернулся съ военной службы на свое пропитаніе къ ней въ деревню, безмѣру наглостью своею сильно (насилно) отнималъ имѣніе у законныхъ ея дочерей, единоутробныхъ своихъ сестеръ—Ульяны, Авдотьи и Лукеріи. А тотъ сынъ Иванъ имѣнію тому не наслѣдникъ: прижить онъ ея незаконно, лѣтъ двадцать шесть тому назадъ отъ одного посторонняго чело-

вѣка; прижить въ то самое время, какъ мужъ ея капралъ Петръ Кириловичъ былъ внѣ дома, отбывалъ многолѣтнюю службу царскую, а она Софья Ивановна одна-одинешенька горе-горевала. Была она въ тѣ поры баба молодая, кровь съ молокомъ. Въ такіе годы бабѣ всякая дурь въ голову лѣзеть. Добрыхъ людей, что могли-бы во время опаматовать ее, да остеречь отъ срама, около не было. Сама она не знаетъ, какъ тотъ грѣхъ приключился съ нею. Знамо дѣло, не безъ того, что нечистый попуталъ ее. Подвернулся ей тогда человекъ такой, приглянулся онъ ей, соломенной вдовѣ; показался краше всѣхъ на бѣломъ свѣтѣ. Не сумѣла она оберечь себя отъ его ласковыхъ да пагубныхъ рѣчей, забыла клятву, что передъ алтаремъ святымъ Господу Богу дала, какъ вѣнчали ее съ Петромъ Кириловичемъ, забыла и наказъ его крѣпкій, да строгій, сказанный, какъ уходилъ онъ на службу царскую: строго повелѣлъ онъ блюсти себя, вѣрной женой по конецъ живота пребывать. Ужь и было ей тогда сраму по всему околотку; пересушіе языки ея завистницъ, да лиходѣекъ, кажись, совсѣмъ готовы были сжить ее со свѣта бѣлаго. Много она тогда изъ-за него Ваньки, озорного сына своего, безчестія вынесла, великаго страха передъ мужемъ и начальствомъ натерпѣлась, и онъ же, этотъ Ванька, теперъ жить ей не даетъ: хочеть оттягать законное имѣніе у дочерей ея.

19 Іюня 1767 года подаетъ Софья Ивановна Боряева въ Перемышльскую Воеводскую Канцелярію челобитную, а въ ней по пунктамъ указываетъ: имѣлось за покойнымъ ея мужемъ, капраломъ Петромъ Кириловичемъ Боряевымъ, въ Перемышльскомъ уѣздѣ, въ селѣ Нижнихъ Подгоричахъ, недвижимое имѣніе пашенныя земли и сѣнные покосы, а при нихъ всякія угодья. Къ тому имѣнію, по смерти капрала, остались наслѣдниками ея родныя дочери, Ульяна, Авдотья да Лукерья, прижитыя ею законно отъ ея мужа Петра Боряева. Кромѣ нихъ имѣется у нея незаконнорожденный сынъ Иванъ, по крестному отцу Алексѣевъ; когда былъ тотъ Иванъ на военной службѣ, не увѣдомилась она, что онъ, правъ на то не имѣя, писался законнымъ сыномъ ея мужа и назывался по его отчеству и фамиліи. Нынѣ, въ силу указа о вольности дворянства, онъ отставленъ на свое пропитаніе. Сообщась съ Калужскимъ полицмейстеромъ Никитою Осиповымъ Уваровымъ, тотъ незаконнорожденный сынъ ея Иванъ отнял у законныхъ ея дочерей имѣніе.

Сообщая всѣ эти подробности, просила Софья Ивановна, „дабы указомъ повелѣно было“ представляемое ею челобитіе принять, сына ея Ивана отъ незаконнаго пользованія имѣніемъ отстранить, самоѣ ея „въ подтвержденіе“ указанныхъ фактовъ допросить въ присутствіи канцеляріи и сверхъ того „дабы она въ нареканіи не осталась“ (что, желая въ недвижимомъ имѣніи утвердить наслѣдниками дочерей, а его безвинно отрѣшить, показала ложно) „учинить сторонними людьми повальный обыскъ“, который выяснилъ бы, что тотъ сынъ ея Иванъ „точно прижить ея безъ мужа и въ бытность его въ военной службѣ“.

За неграмотностью помѣщицы вдовы Боряевой по ея просьбѣ поданную челобитную подписалъ церкви Флора и Лавра попъ Василій Стефановъ.

Подавая свое прошеніе, вдова капрала всего менѣе руководствовалась чувствомъ справедливости. Какъ видно изъ дѣла, была она дама весьма хоро- вистая, самоуправная, противорѣчія не терпѣла, что называется бой-баба. Сынонь, надо думать, унаслѣдовалъ ея характеръ. Самостоятельная жизнь въ полку окончательно убила въ немъ привычку уступать матери. Между ними, по возвращеніи его съ военной службы, пошли большіе нелады, а когда сынъ, опираясь на мнимое отчество капрала, обнаружилъ къ тому же намѣреніе завладѣть имѣніемъ, своенравная мать не задумалась обличить его самозванство и заварила такую кашу, расхлебывать которую одинаково тяжело пришлось и ей самой, и сыну. Но, извѣстное дѣло, въ дракѣ волосъ не жалѣють и, снявъ голову, по волосамъ не плачуть.

Будь, что будетъ, рѣшила вдова капрала, а не дамъ я ему супротивнику воли надъ имѣніемъ и добромъ моимъ, раченіемъ, да трудами покойнаго Петра Кириловича, царство ему небесное, скопленное. Поди, какой прыти набрался! Не имѣешь должнаго почтенія къ родной матери: нѣтъ тебѣ озорнику ни роди- тельскаго благословенія моего, ни имѣнія трудами нашими нажитаго: да почитай, еще и званіе съ тебя снимутъ: будешь какъ холопъ, въ подушный окладъ за сестрами зачтутъ, вотъ все одно, какъ дѣтей Мезенчихи.

Того-же 19-го Іюня присутствіе Перемышльскаго Воеводскаго Канцеляріи постановило челобитную вдовы Боряевой отдать въ повытѣ, а для испрашиваемаго обыска о незаконномъ рожденіи Ивана Боряева отправить въ Подгоричи нарочнаго, давъ ему надлежащую инструкцію.

На другой день, вдова Боряева въ присутствіи канцеляріи подробно была допрошена и въ томъ допросѣ, подтвердивъ все написанное ею въ челобитнѣ, показала, что крестень ея незаконнорожденный сынъ Иванъ священни- комъ церкви Никола въ селѣ Нижнихъ Подгоричахъ попомъ Алексѣемъ Ива- новымъ, „онъ же попъ ему Ивану и воспріемникомъ былъ“; воспитанъ онъ ею Боряевой, но на чьи средства, мужа или ея личныя, она не указала.

Нарочнымъ въ село Нижніе Подгоричи отправленъ былъ канцеляристъ Перемышльскаго Воеводскаго Канцеляріи Прохоръ Четвериковъ. Въ инструкціи выданной ему, предписано было, прибывъ въ село Нижніе Подгоричи, опро- сить всѣхъ живущихъ тамъ священно и церковно-служителей, дворянъ и дру- гихъ чиновъ людей о незаконномъ рожденіи Ивана Боряева и въ томъ, что покажутъ они, взять отъ нихъ за ихъ собственноручными подписями „объявленія“. Подъ опасеніемъ штрафа предписывалось Четверикову, „бывъ въ той побывкѣ, обидѣ никому не чинить“.

Первымъ опрошенъ былъ священникъ села Нижнихъ Подгоричей попъ Іоаннъ Алексѣевъ, сынъ и пріемникъ по должности покойнаго Нижне-Подго- ричскаго попа Алексѣя Иванова. Законно или незаконно прижила Боряева сына своего Ивана—показалъ попъ Иванъ—про то мнѣ не вѣдомо, и сказать о томъ я ничего не знаю.

Это „вѣдать не вѣдаю, знать не знаю“, былъ обычный отвѣтъ сельскихъ поповъ XVIII-го вѣка. Просматривая дѣла Воеводскаго Канцеляріи и разбираясь

въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, всегда находишь одинъ и тотъ же отвѣтъ сельскихъ священниковъ, что имъ-де по дѣлу ничего не вѣдомо. Объясняются эти осторожныя и уклончивыя показанія матеріальной необезпеченностью и крайне пониженнымъ положеніемъ сельскаго причта въ XVIII-мъ вѣкѣ. Попъ Иванъ не могъ не знать о незаконномъ рожденіи Ивана Боряева, но онъ предпочелъ отговориться невѣдѣніемъ, дабы правдивымъ показаніемъ не испортить своихъ добрыхъ отношеній съ барскимъ дворомъ.

Допрошенные того же 8-го Іюля, Перемышльскаго уѣзда, села Нижнихъ Подгоричей, жена прапорщика Ивана Аверкіевича Гулякова, Татьяна Ивановна и дворянинъ отставной сержантъ, Ермилъ Андреевичъ Боряевъ подтвердили, что, дѣйствительно, Иванъ Боряевъ рожденъ Софьею Ивановною незаконно и въ бытность ея мужа на военной службѣ. Росписался за нихъ подъ ихъ показаніемъ мѣстный пономарь Артемій Ивановъ, повидимому, сынъ попа Ивана.

Тоже самое сказали опрошенные крестьяне сосѣднихъ помѣщиковъ: прапорщика Баскакова, Екатерины Герасимовны Ефимовой, жены секретаря Государственной Вотчинной Коллегіи, и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпрапорщика Астахова.

Доношенія Четверикова съ приложенными къ нему свидѣтельскими показаніями поступило въ канцелярію только 2-го Августа. Чтò было причиной такой медлительности въ дѣлопроизводствѣ, не извѣстно.

Вообще дѣло Боряевыхъ, повидимому, пришлось очень не по сердцу Перемышльскимъ властямъ. Уже съ первыхъ дней Перемышльская Воеводская Канцелярія проявляетъ непонятную медлительность. Только послѣ шестнадцатидневной проволочки даетъ она приказъ ѣхать нарочному въ село Нижніе Подгоричи. Однимъ днемъ заканчивается Четвериковъ опросъ свидѣтелей, но только по истеченію трехъ съ половиною недѣль подаетъ онъ въ канцелярію свое донесеніе о результатахъ поѣздки. Согласно установленному порядку, это донесеніе немедленно надлежало заслушать въ присутствіи канцеляріи и о томъ составить журналъ съ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ присутствія. Въ дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго. Безъ всякихъ разсужденій оно кладется подъ сукно. Сопричастнымъ къ этому дѣлу оказался Калужскій полицмейстеръ Уваровъ. Какъ ни-какъ, полицмейстеръ главнаго города провинціи являлся по тому времени виднымъ административнымъ лицомъ; ссориться съ нимъ Перемышльскому воеводѣ не было никакого разчета, и, хотя прямыхъ указаній на то въ дѣлѣ Боряевой не имѣется, но, надо полагать, Перемышльская канцелярія употребила всѣ мѣры къ тому, чтобы замѣть неприятное дѣло и такъ или иначе челобитную Софіи Ивановны оставить безъ дальнѣйшаго движенія. Съ другой стороны, считаясь съ тѣмъ, что Боряева послѣ 19-го Іюня новыхъ челобитій не подаетъ, можно съ большою вѣроятностью предположить, что вдова капрала въ той или иной формѣ была ублажена и тоже нашла болѣе выгоднымъ для себя замѣть дѣло.

Послѣ того оно долго остается безъ всякаго движенія и, когда, послѣ двухлѣтняго пребыванія подъ сукномъ, снова выплыло на поверхность бумажной волокиты, лицомъ причастнымъ къ его возбужденію оказывается поручикъ Новгородскаго полка Михайла Арефьевичъ Степановъ. Какое отношеніе онъ имѣлъ къ семьѣ Боряевыхъ, изъ дѣла не видно.

Въ началѣ Января 1769 года поступаетъ въ Перемышльскую канцелярію изъ Государственной Вотчинной Коллеги требованіе представить точную копию съ дѣла Боряевой, при чемъ указывается, что означенная копія вытребывается вслѣдствіе поступившаго челобитія отъ поручика Новгородскаго полка Михайла Арефьева Степанова. Перемышльская Воеводская Канцелярія исполнила требованіе Коллеги. При рапортѣ за № 59 копія была выслана. По этому началу можно было ожидать новаго ворошенія Боряевскаго дѣла, но этого не случилось. Нить дѣлопроизводства еще разъ оборвалась и на этотъ разъ окончательно.

За два года, протекшіе со дня подачи Боряевой ея челобитной, много измѣнилось въ селѣ Нижнихъ Подгоричахъ. Дочери Софіи Ивановны повышли замужъ. Старшая, Ульяна, сочеталась законнымъ бракомъ съ отставнымъ подпрапорщикомъ Исаемъ Ѳедоровичемъ Шукинымъ, Авдотья вышла замужъ за отставного подпрапорщика Романа Васильевича Васятина, младшая Лукерья за церковнаго причетника города Козельска Гаврила Максимова.

В. Кашкаровъ.

**Андрей Александровичъ
ТИТОВЪ**

волею Божіею скончался 24-го Октября, въ 9 часовъ вечера, въ Ростовѣ-Великомъ.

Помяни ею, Господи, во Царствіи Твоемъ!